

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

DOI: 10.14515/monitoring.2015.5.13

УДК 316.472.4

Правильная ссылка на статью:

Варшавер Е.А. Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 183-214

For citation:

Varshaver E.A. Contact theory: Review // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2015. № 5. P.183-214

**Е.А. ВАРШАВЕР
ТЕОРИЯ КОНТАКТА: ОБЗОР**

ТЕОРИЯ КОНТАКТА: ОБЗОР

CONTACT THEORY: REVIEW

ВАРШАВЕР Евгений Александрович – старший научный сотрудник Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: varshavere@gmail.com.

VARSHAVER Evgenii Aleksandrovich – Senior Researcher, Institute of Applied Economic Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail: varshavere@gmail.com.

Аннотация. В статье представлен наиболее полный русскоязычный обзор теории контакта. Показано, в ответ на какие вызовы теория была впервые сформулирована Г. Олпортом в 1954 г., описаны основные исследования, посвященные ей и результаты. Также затронуты ключевые исследовательские вопросы, появившиеся в лоне этой теории за 60 лет, и полученные на них ответы.

Abstract. The article presents a full Russian-language overview of the contact theory and outlines challenges that made G. Allport develop his theory in 1954. The key studies and findings related to this theory are described by the author. The article also touches upon the fundamental questions raised by this theory in sixteen years, as well as answers to them.

Ключевые слова: межгрупповые контакты, теория контакта, предубеждение, стереотип, этническая толерантность, межэтнические контакты, иммигранты

Keywords: intergroup contacts, contact theory, prejudice, stereotype, ethnic tolerance, inter-ethnic contacts, immigrants

Благодарность. Статья написана на основании научно-исследовательской работы "Пути повышения эффективности существующих моделей и практик интеграции мигрантов" в рамках государственного задания РАНХиГС на 2015 год.

Изначальная многонациональность, а также миграционные процессы последних десятилетий ставят перед российским государством и обществом сложные вопросы, связанные с поддержанием межэтнического мира и согласия. Ответы на эти вопросы в основном пытаются искать в принятии более строгих законов и вменении ответственности чиновникам за мир и спокойствие на подведомственных им территориях. В частности, после столкновений в московском районе Бирюлево в октябре 2013 г. был принят Федеральный закон № 284, по которому ответственность за межэтнические отношения вменялась главам муниципалитетов. Вместе с тем конкретных инструментов для эффективного осуществления этой деятельности чиновникам предложено не было. Скорее всего, деятельность по достижению межэтнического согласия в первую очередь будет связана с контролем национальных групп посредством контакта с лидерами диаспор. Однако подобные меры, во-первых, плохо работают в городах, где при наличии людей разной этничности могут отсутствовать как лидеры, так и сами диаспоры или сообщества, во-вторых, плохо работают в принципе, поскольку такого рода конструкции не борются с причинами проблемы – нетерпимостью и взаимной негативной стереотипизацией. Между тем международная наука и практика занимаются подобными вопросами не один десяток лет. Статья призвана ознакомить российского читателя с теорией и методологией, а также с конкретными практиками и инструментами снижения межэтнической напряженности и интеграции мигрантов на местном уровне. Представлен обзор одного из ключевых направлений исследования с точки зрения понимания инструментов работы со стереотипами. Это направление «заземлено» в социальной психологии, оно называется теория контакта. В России об этой традиции известно мало. В книге Т. Нельсона «Психология предубеждений» теории контакта посвящена часть главы [Нельсон, 2003], кроме того, теория контакта упоминается у С.В. Сергеевой [Сергеева, 1980], Е.А. Ерохиной [Ерохина, 2008], М.В. Верещагиной [Верещагина, 2010], А.З. Мурзакановой [Мурзаканова, 2013], Ю.С. Смирновой [Смирнова, 2007], О.Е. Хухлаева [Хухлаев, 2009], Н.М. Лебедевой [Лебедева, 2003] и у других авторов. Однако эти авторы не представляют полноценный обзор результатов исследований, проведенных в рамках данного направления с 1950-х гг. по настоящее время. Таким образом, текст, предлагаемый вниманию читателей, является первым детальным изложением теории контакта на русском языке. В нем представлены основные предпосылки теории, результаты исследований, посвященных их проверке, а также некоторые ключевые для дальнейшего развития теории вопросы и имеющиеся в настоящий момент ответы на них.

Исследования контакта – научная традиция, корни которой уходят в историю борьбы против расизма в США. Основное теоретическое положение, сформулированное в рамках этой традиции, следующее: *контакт между людьми из разных социальных групп способствует снижению взаимной негативной стереотипизации*. Несколько исследований, опубликованных в 1940-х и 1950-х гг. на волне усиливающейся установки на интеграцию афроамериканцев в жизнь американского общества, стали эмпирической основой для формулировки этого положения, существовавшего тогда в качестве гипотезы. В исследовании С. Стауффера и коллег «Американский солдат» приводятся цифры, согласно которым, чем чаще солдат из американских оккупационных войск в Германии общается с местным населением, тем выше вероятность, что его отношение к немцам в целом будет позитивным. Среди тех, кто не имел личных контактов с местным населением, таковых было

49%; среди тех, кто общался с немцами 5 часов и более, таковых уже 76% [Stouffer et al., 1949: 570]. В исследовании предрассудков среди моряков торгового флота, опубликованном в 1945 г. исследовательницей из Колумбийского университета И. Брофи [Brophy, 1945: 456–466], четко показано: чем чаще белые моряки выходят в море с чернокожими коллегами, тем ниже их позиция на специально разработанной шкале предрассудков. Те, кто ходили в море с чернокожими пять раз и более, в 82% случаев характеризовались низким уровнем предрассудков, и лишь в 9% случаев высоким. Обратная картина наблюдается среди тех, кто никогда не выходил в море с чернокожими: только в 32% случаев они характеризовались низким показателем на шкале предрассудков, зато в 54% высоким. А в исследовании М. Дойча и М.Э. Колминз [Deutsch, Collins, 1951] сравнивались смешанные и отдельные соседства в Нью-Йорке и Ньюарке. Оказалось, что в целом у жителей смешанных и отдельных соседств отношение к людям другой расы различается: если в отдельных соседствах среди белых доминировало безразличное отношение к чернокожим и было распространено мнение, что они агрессивны, разнузданны и опасны, то в смешанных соседствах такое мнение можно было услышать реже, зато респонденты часто говорили о том, что чернокожие относятся к себе как к людям второго сорта, ведут себя соответствующе, однако вместе с тем они очень чувствительны к расовой нетерпимости. В результате с утверждением «Ваши чернокожие соседи ничем не отличаются от белых» среди жителей смешанных хозяйств согласились 80% респондентов, среди жителей отдельных соседств – 57%.

В 1954 г. в книге «Природа предрассудка» Гордон Оллпорт предложил гипотезу контакта [Allport, 1979]. Согласно его рассуждениям, контакт действительно играет роль в характеристиках и выраженности предрассудков, однако на разных людей в различных ситуациях он будет действовать по-разному [Allport, 1979: 262–263]. Кроме того, ослаблению предрассудка будет способствовать весьма определенный контакт. Например, если люди разной расы будут просто ходить по одним и тем же улицам и при этом не общаться, это не будет ослаблять стереотипы, а значит, предположительно, контакт должен обладать определенным уровнем глубины. Контакт может различаться по частоте, продолжительности и количеству вовлеченных, и это также скажется на его эффекте. Кроме того, межрасовые контакты не одинаковы по своим статусным аспектам – группы могут располагаться одна выше другой в общественной иерархии, их статусы могут быть равны, статус вовлеченных в контакт не всегда коррелирует со статусом группы, к которой он относится: контакт с высокостатусными представителями низкостатусной группы, очевидно, работает иначе, чем контакт с более типичными ее представителями. Вероятно, пишет Оллпорт, важно и то, какой тип взаимодействий обеспечивает контакт: конкурируют между собой представители разных групп или сотрудничают, а также равны ли их ролевые позиции или они общаются в границах «хозяин–слуга», «начальник–подчиненный» и т.д. Очевидно, определенную роль здесь играют нормативный и институциональный контексты: одобряются или порицаются на уровне общества в целом сегрегация и предрассудки, а также в какой степени законодательство, регулирующее отношения на данной территории, способствует или препятствует сегрегации. Можно предположить, что на стереотипах по-разному отражаются контакты личные и общественные, рутинные и эпизодические, значимые и незначимые. Свою роль, рассуждает Оллпорт, играет непосредственный контекст контакта: где он происходит – на рабочем месте, на улице, в общественном

пространстве, в культовом месте, в волонтерской организации, – а также личные характеристики его участников (образование, возраст, уровень базового ощущения безопасности в жизни, склонность к стереотипическому суждению, сила изначального стереотипа).

На основании этих соображений и обобщения существовавших на тот момент результатов эмпирических исследований Оллпорт делает вывод, согласно которому контакт является важным фактором снижения предрассудков, однако, для того чтобы он сработал таким образом, необходим ряд условий. Оллпорт формулирует свой тезис следующим образом: «Предрассудок (если только он не укоренен глубоко в структуре личности индивида) может быть снижен равностатусным контактом между представителями большинства и меньшинства на пути к достижению общих целей. Эффект контакта может быть существенно усилен, если он имеет институциональную поддержку (т.е. закон, традиция или общее настроение способствуют контакту) и содействует пониманию общей природы и общности интересов этих групп» [Allport, 1979: 281]. Позже в историю теории контакта этот пассаж вошел как описание оптимальных условий контакта, и хотя Оллпорт не формулирует эти условия как рядоположенные (скорее, необходимыми условиями являются равностатусность и общие цели, а дополнительными – институциональная поддержка и установка на поиск общего), два последователя Оллпорта – Т. Петтигрю и М. Хьюстон – говорят именно о четырех оптимальных условиях. Так как же они интерпретируют условия Оллпорта?

Согласно Хьюстону и его соавтору Г. Ходсону [Hodson, Hewstone, 2012: 5], первое условие – это равный статус участников контакта в том, что касается власти, влияния и социального престижа. Петтигрю [Pettigrew, 1998: 66] уточняет, что Оллпорт имеет в виду, скорее, равенство ролевых позиций в рамках ситуации. Второе условие – общие цели участников контакта. Контакт членов спортивной команды или отряда в армии – лучшая иллюстрация этого условия. А чаепитие (Оллпорт приводит этот пример как анекдот), когда сердобольная женщина созвала к себе в гости соседей и рассадила их вокруг стола, произвольно перемешав чернокожих и белых домохозяек, провалилось именно из-за отсутствия общих целей у участников контакта [Allport, 1979: 279]. Третьим условием является сотрудничество между группами. Хьюстон и Ходсон пишут, «хотя цели у групп могут различаться, они могут быть достигнуты одновременно через сотрудничество» [Hodson, Hewstone, 2012: 6]. Петтигрю считает, что появление общих целей не должно быть связано с интенсификацией соревнования между группами – группы должны сотрудничать. Странно, однако, что и Хьюстон, и Петтигрю существенно изменили тезис Оллпорта, согласно которому речь идет о том, что в ходе взаимодействия должна осознаваться общность его участников (common interests and common humanity). Последнее условие в их прочтении состоит в институциональной поддержке межгрупповых взаимодействий, которая может быть связана с функционированием разного рода общественных институтов.

Итак, Г. Оллпорт в 1954 г. впервые сформулировал тезис, согласно которому контакт между представителями групп связан с ослаблением стереотипов о противоположной группе. Однако этот эффект достигается только в том случае, если (1) он осуществляется в условиях равенства между представителями групп; (2) у них общие цели; (3) в ходе контакта подчеркивается общность участников контакта; (4) институциональная среда способствует, а не противодействует осуществлению контакта. Дальнейшие десятилетия ушли на

проверку как самой гипотезы связи контакта и ослабления стереотипов, так и на уточнение и переформулировку условий оптимального контакта. На 2000-е гг. приходится интенсификация потока текстов, появляющихся в этой традиции. Ходсон и Хьюстон указывают, если до 1985 г. количество текстов, напрямую связанных с теорией контакта, не превышало пяти в год, то с 2006 по 2010 г. было опубликовано около 300 работ, которые можно найти по этим ключевым словам, причем их количество увеличивалось с каждым годом (рис.).

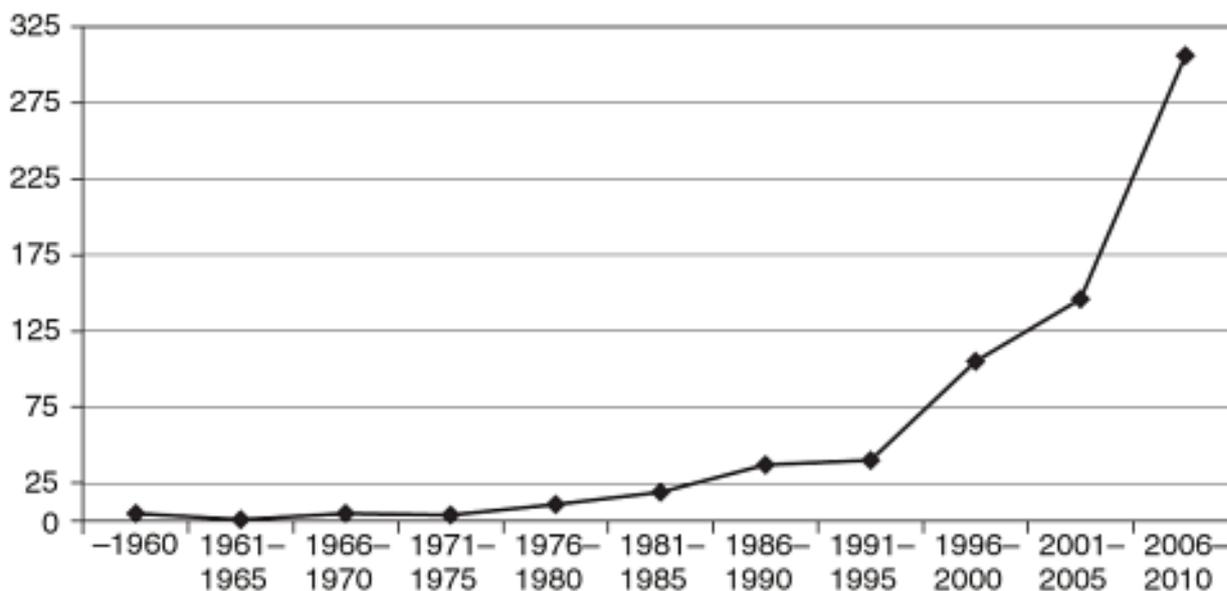

Рисунок 1 - Статьи, изданные в журналах по психологии, найденные в ходе поиска по ключевым словам «intergroup contact» и «contact theory» [Hodson, Hewstone, 2012: 6].

В 2000-е гг. пришло время собирать камни. Статья Петтигрю «Теория межгруппового контакта» [Pettigrew, 1998] положила начало каталогизации знания о контакте между группами, а его и Л. Тропп [Pettigrew, Tropp, 2006] метаанализ 515 работ, посвященных этой проблеме, стал наиболее важным тестом этой теории: авторы показали, что в среднем значимая корреляция между контактом и силой предрассудка составляет $r=0,21$. Таким образом, гипотезу Олпорта по прошествии 50 лет можно считать окончательно доказанной. В 2011 г. вышла статья Хьюстона в соавторстве с Г. Свартом [Hewstone, Swart, 2011], которая называется «Пятьдесят с небольшим лет межгрупповому контакту: от гипотезы до интегрированной теории». В ней также представлен обзор того, что сделано в рамках направления, которое задал Олпорт. В 2012 г. выходит коллективная монография под редакцией Ходсона и Хьюстона «Продвижение в межгрупповом контакте» [Hodson, Hewstone, 2012], в которой каждая глава посвящена той или иной проблеме, лежащей в русле теории, и сформулированы направления дальнейших исследований. В том же году появляется книга Петтигрю и Тропп «Когда встречаются группы: динамика межгруппового контакта» [Pettigrew, Tropp, 2012], написанная по мотивам метаанализа со значительной детализацией тезисов, сформулированных в статье. Проблемы, которые исследователи формулируют и частью разрешают, а частью оставляют их разрешение на будущее, в

общем-то схожи. В следующих разделах будут описаны некоторые эти проблемы.

Тест оптимальных условий Олпорта

Описывая оптимальные условия контакта, Олпорт указывал, что равный статус групп и общность целей необходимы для успешного контакта, упор же на общее, а не на различное в контакте, а также его институциональная поддержка являются желательными условиями. В десятилетия, последовавшие за публикацией «Природы предрассудка», эти условия были протестированы эмпирически и частично критически пересмотрены. Кроме того, были предложены некоторые другие условия [Hewstone, Swart, 2011], способствующие эффективному контакту.

Первое условие оказалось наиболее проблематичным в том, что касается эмпирической проверки. Согласно Олпорту, для эффективного контакта группы должны иметь равный статус. Не уточняется, однако, в каком смысле равный статус должны иметь эти группы: в принципе или в ходе контакта. Начиная с 1960-х гг. проведен ряд исследований, легших в основание теории статусных ожиданий [Berger et al., 1965, 1972], согласно которой внешняя статусная структура неизбежно будет транслироваться в ситуацию контакта, а значит, добиться действительно равностатусного контакта практически невозможно даже в экспериментальных условиях. В рамках более широкого контекста социальных наук укорененность социальных структур в ситуациях взаимодействия является одним из оснований микросоциологии [Goffman, 1959], а также делает возможной аналитическую социологию [Hedström, Bearman, 2009; Hedström, 2005], призванную объяснять большие социальные факты чередой микровзаимодействий акторов, рациональность которой ограничена социальными структурами или социальным контекстом. В общественных науках можно обнаружить не одну подобную программу. Это говорит о теоретической невозможности отделения ситуации контакта от ее контекста и обеспечения равного статуса групп в ходе контакта. В то же время, возможно, это условие не следует интерпретировать столь строго. Его цель – отделить ситуации, в которых слуга общается с хозяином, а работодатель – с подчиненным, от ситуаций, в которые не «защиты» подобные ролевые взаимозависимости. С таким облегченным пониманием этого условия в совокупность исследований, ему удовлетворяющих, попадают работы, где ситуация контакта формально не является иерархической. В таком случае, например, многочисленные исследования контакта в школьных условиях (например, работы М. Патчена [Patchen, 1982] или Ж. Шофилд и Р. Ойрих-Фульцер [Schofield, Eurich-Fulcer, 2001]), демонстрирующие его эффективность в части ослабления стереотипов, исследуют контакты, происходящие между равностатусными группами. В то же время существуют ситуации, в которых несоблюдение этого условия является вероятной причиной успеха контакта. Так, например, в работе Д. Юнга [Young, 1932] описан эффект взаимодействия с чернокожим лектором. Работ же, в цели которых входило тестирование равного статуса групп по отдельности в качестве условия успешного контакта, нет. Таким образом, равный статус групп в рамках контакта теоретически недостижим в свете невозможности очищения ситуации контакта от внешней по отношению к ней статусной структуры, а значимость его для эффективного контакта эмпирически не доказана, но и не опровергнута. И это оптимальное условие за почти 60 лет разработки теории контакта из эмпирической

интуиции не перешло в разряд фактов.

Важность наличия общих целей для усиления эффекта контакта у групп – более простой для эмпирической проверки фактор при исследовании межгруппового контакта, влияющего на ослабление стереотипов. Джонсон, Джонсон и Марияма [Johnson, Johnson, Maruyama, 1983] провели метаанализ около 100 работ, опубликованных к 1980 г., где проверялась гипотеза контакта для расовых групп, находящихся в одном пространстве, преимущественно в учебных условиях. В фокусе этой работы была выявлена структура взаимодействий, характеризовавшая ситуацию: что предполагала ситуация – сотрудничество, конкуренцию или же отсутствие всякого взаимодействия. Однозначный вывод, к которому пришли авторы исследования, состоит в том, что сотрудничество – это наилучшее условие для формирования позитивного отношения к противоположной группе. Более того, конкуренция не является нежелательным условием контакта: согласно этому исследованию, такие ситуации в среднем позитивнее влияют на отношение к противоположной группе, чем ситуации без взаимодействия вообще (при этом что представители групп находятся в одном пространстве). Частные примеры также свидетельствуют о важности общих целей в качестве оптимального условия межгруппового контакта. Например, исследование Д. Чу и Д. Гриффи [Chu, Griffey, 1985] показало, если молодые люди занимаются коллективным видом спорта и в их команде есть представители других этнических групп, их отношение к этим группам в целом будет лучшим, чем у тех, кто подобным спортом не занимаются, или тех, у кого в команде играют только представители их группы [Агеев, 1990]. Таким образом, второе условие, согласно которому контакт сильнее всего связан с ослаблением стереотипов в том случае, если контактирующие сотрудничают, можно считать укорененным и доказанным в эмпирических исследованиях.

Третье условие вытекает из элемента описания оптимального контакта Оллпорта, в котором речь идет о «создании впечатления, что члены двух групп имеют общие интересы и общую природу». Объединив интересы и природу в одном условии, Оллпорт сформулировал, вероятно, наиболее спорный тезис из всех четырех условий: общий интерес совершенно не обязательно предполагает общую природу, а общая природа не обязательно предполагает общие интересы. В результате значительная часть исследователей, работавших в русле гипотезы контакта, сконцентрировала усилия на проверке гипотезы об общих интересах, сделав второе и третье условия практически неотличимыми и отдав проверку представления о необходимости предполагаемой общности для эффективного контакта на откуп параллельным исследовательским традициям. Прежде всего это теория межличностной аттракции (среди основополагающих работ – «Открытый и закрытый разум» М. Рокича [Rokeach 1960], «Процесс знакомства» Т. Ньюкомба [Newcomb, 1961], «Парадигма аттракции» Д. Берна [Burne, 1971]), согласно которой межличностная аттрактивность является результатом межличностной схожести, а предрассудок вытекает из межгруппового различия.

Однако этот тезис входит в конфликт с несколькими другими влиятельными теориями. И речь прежде всего идет о реалистской теории конфликта [Baumeister, Vohs, 2007], которая обнаруживает источник конфликта между группами в конфликте групповых интересов (или того, какими они представляются) при условии ограниченных ресурсов. Наиболее известное исследование, выполненное в рамках этой теории, – классический эксперимент, проведенный М. Шерифом и его коллегами в Робберс Кейв [Sherif et al., 1961] и

показавший, что стереотип и конфликт не являются функцией схожести или различия между группами, но они связаны с характеристиками взаимодействия между ними.

Другая, чуть более поздняя, традиция, также ставящая под вопрос связь сходства и attractiveness, восходит к теории социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера [Tajfel, 2010; Tajfel, Turner, 1979], в основание которой положен принцип предпочтения собственной группы. Серия экспериментов [Billig, Tajfel, 1973] показала, что сам факт принадлежности двух участников к одной группе, созданной принципиально случайным образом в ходе эксперимента, заставляет их относиться друг к другу лучше, чем к членам не их групп. Например, когда в одном из экспериментов [Tajfel, 1970] участникам было необходимо распределить деньги между другими участниками, оказалось, что членам своей группы «платили» больше. Теория социальной идентичности также демонстрирует, что факт индивидуального сходства не играет существенной роли в том, что касается attractiveness и позитивной оценки тех или иных людей. Более того, она предсказывает обратное: чем больше сходства между индивидами, относящимся к разным группам, тем существеннее необходимость подчеркнуть различие между ними [Brown, 1984]. Эмпирические исследования доказывают, что это не так – антагонизм членов схожих групп в целом меньше, чем неприятие друг друга членами существенно отличающихся групп [Brown, 2000]. А это делает тезис о неважности различий для конструирования предрассудков в целом спорным. Однако тезис Олпорта в первую очередь касался создания впечатления сходства, а не сходства как такового. И имея в виду конструируемость и контекстуальность сходства, а также держа в голове эмпирические исследования, в которых демонстрируется связь привлекательности и сходства, можно заключить, что установка на поиск или конструирование общего действительно является важным условием ослабления стереотипов, в том числе в рамках межгруппового контакта.

Последнее условие состоит в том, что связь между контактом и ослаблением стереотипа сильнее, если контакт институционально приемлем, т.е. существуют нормы, согласно которым контакт разрешен и, возможно, желателен. Этот фактор тестируется многочисленными исследованиями, в том числе измеряющими эффект программ по интеграции или десегрегации через контакт, дизайн которых организован по схеме «тестирование–вмешательство–тестирование». Можно констатировать, что приведено достаточно много примеров успешного изменения структур с последующим изменением характеристик взаимодействия и ослабления стереотипов. Национальная программа по десегрегации в американских школах, запущенная в 1970-х гг., по которой учителя и администраторы проходили специальное обучение, а также организовывались мероприятия и осуществлялась повседневная деятельность, связанная с десегрегацией, показала свою эффективность [Wellisch et al., 1976; Longshore, 1983]. Судя по исследованию А. Калев, Ф. Доббина и Э. Келли [Kalev, Dobbin, Kelly, 2006], посвященному десегрегации на рабочих местах, в рамках которого лонгитюдные данные за 30 лет были дополнены лонгитюдными интервью с HR-менеджерами, десегрегация на рабочих местах происходит эффективнее всего при введении персональной ответственности сотрудников за ее проявление. Межкультурные тренинги гораздо менее эффективны, а вот создание неформальных сетей и межрасовых структур менторства также оказалось полезно, пусть и в меньшей степени, чем введение личной ответственности. Включенное наблюдение Дж. Паркера [Parker, 1968] в одной из мичиганских баптистских церквей, которая первая ввела

у себя интеграционную политику для белых и черных прихожан, показало, что интеграция на уровне повседневного взаимодействия на территории церкви осуществилась быстро и успешно, хотя анализ того, кто с кем сидит во время службы, свидетельствовал, что сегрегация не была преодолена полностью. Таким образом, судя по надежным фактам, если изменяются формальные или неформальные нормы, то и установление контактов, и дестереотипизация происходят вполне эффективно. Более того, тест оптимальных условий, который по отдельности предприняли Петтигрю и Тропп [Pettigrew, Tropp, 2012: 90–94] на основе базы данных, собранной для метаанализа, показал, что именно институциональная поддержка является наиболее сильным фактором.

Петтигрю и Тропп также провели другой тест оптимальных условий [Pettigrew, Tropp, 2012: 7–90], в рамках которого было решено проверить значимость всех условий одновременно. Для этого они разделили весь массив на исследования, где эти условия были сознательно заложены в исследовательский дизайн, и исследования, где об этом ничего не было сказано. В исследованиях, учитывающих оптимальные условия Олпорта, связь между контактом и стереотипом составила $r = -0,287$, в то время как во второй группе – всего $r = -0,204$. Таким образом, доля объясненной дисперсии для первой группы оказалась вдвое больше, чем для второй, т.е. контакт при соблюдении условий в среднем в 2 раза эффективнее контакта без соблюдения условий.

Оптимальные условия контакта для ослабления предрассудка прошли проверку временем. Можно уверенно говорить о том, что институциональная поддержка интеграции, а также сотрудничество между представителями разных групп являются теми условиями, при которых контакт наиболее эффективен. Два других условия – равный статус групп в рамках взаимодействия, а также упор на сходстве между группами – также усиливают эффект контакта, но с определенными оговорками. Первое условие недостижимо теоретически и эмпирически, однако его можно понимать свободнее: во взаимодействие не должно быть заложено таких отношений, как «хозяин–слуга» или «работодатель–подчиненный». Сходство между группами для достижения оптимального контакта также не является обязательным условием, более того, подчеркивание сходств при очевидном, например, классовом различии может помешать контакту и способствовать сохранению стереотипов. Однако в большинстве ситуаций, с которыми имеет дело теория контакта, контакт позволяет увидеть, что между участниками взаимодействия много общего. И это общее может стать основанием для сотрудничества и переосмысления стереотипов.

Механизмы ослабления стереотипов через контакт

Зафиксированная и воспроизводящаяся от исследования к исследованию связь между двумя фактами, в данном случае – между контактом и ослаблением стереотипа, является важным результатом работы нескольких поколений исследователей, однако объяснение в социальных науках наряду с фиксацией регулярности предполагает выявление механизмов – социальных или психических, регулярно соединяющих факты между собой [Elster, 1989; Hedstrom, Ylikoski, 2010; Machamer et al., 2000]. Приведем ряд психических механизмов, которые, вероятнее всего, отвечают за связь между контактом и ослаблением стереотипа.

Исследователями выявлены три наиболее очевидных механизма: снижение

тревожности, эмпатия, а также знание о противоположной группе. Впервые о тревожности как о факторе межгрупповых отношений заговорил В. Стефан: в работе 1985 г. он показал, что уровень тревожности в межгрупповом взаимодействии влияет на характеристики поведения в ходе этого взаимодействия, вызывает когнитивное и информационное смещение, измененные эмоциональные реакции, а также он связан с интенсификацией самоотчета и поляризацией оценок членов аут-группы [Stephan, 1985]. В 2014 г. он опубликовал статью, в которой представил детальную схему факторов и последствий тревожности в межгрупповых отношениях [Stephan, 2014].

Роль механизма тревожности в связке «контакт–дестереотипизация» была подтверждена и в работе исследовательских групп Дж. Бласковича [Blascovich, 2001] и Э. Пейдж-Гаулд [Page-Gould et al., 2008]. Бласкович с коллегами в лабораторных условиях измеряли уровень тревожности и продемонстрировали связь между тревожностью и предшествовавшим контактом с членами аут-группы. Суть эксперимента Пейдж-Гаулд состояла в проведении серии встреч, в которых принимали участие белые студенты и студенты-латиноамериканцы. В ходе эксперимента некоторые студенты раз за разом общались с членами аут-группы, а другие – с членами ин-группы. Выяснилось, что первые встречи характеризовались высоким уровнем тревожности при взаимодействии с членами аут-группы, но с каждой последующей встречей уровень тревожности снижался, и в результате тревожность участников эксперимента, регулярно общавшихся с членами аут-группы, оказалась ниже, чем тревожность контрольной группы, общавшейся с членами ин-группы.

Эмпатия является другим механизмом, посредством которого контакт ослабляет стереотипы. Многочисленные эксперименты показали, что вменение эмпатии, например, посредством прослушивания записи рассказа представителя дискриминируемой группы или создания собственных нарративов от лица таких людей, позволяет ослабить стереотип и увеличить связь между ин- и аут-группой [Vescio 2003; Galinsky, 2000; McFarland, 2010]. При этом несколько различный эффект достигается благодаря двум разным типам эмпатии: эмпатии сопереживания и эмпатии, состоящей в попытке поставить себя на место другого [Mallett et al., 2008].

Третий механизм – получение информации об аут-группе. Согласно Олпорту, именно информированность является главным врагом стереотипа. Подтверждает этот тезис одна из ранних работ В. Стефан «Роль незнания в межгрупповых отношениях», в которой приведены свидетельства того, что осведомленность о группе связана со стереотипизацией. Существует ряд разработанных техник [Triandis, 1994], состоящих в приобретении знания о повседневных культурных паттернах, которое влияет на стереотип. Есть, однако, и обратные свидетельства, согласно которым сознание, находящееся в плену стереотипа, практически не способно усваивать информацию, которая ему противоречит [Rothbart, John, 1985, 1993; Pettigrew, 1979]. Более того, определенные типы знания могут быть связаны со стереотипизацией обратным образом – в исследовании Р. Брауна с коллегами [Brown et al., 2008] был изучен долгосрочный эффект информирования представителей чилийских потомков испанцев о том, как их предки обращались с арауканами – индейцами, жившими на территории Чили до завоевания этой территории испанцами. Информирование привело к чувству вины, тревожности и, как результат, к усилению стереотипа. Важно и то, что информация может быть по-разному подана, и контекст, в

рамках которого она передается, может более или менее способствовать ослаблению стереотипа. Таким образом, свидетельства о роли осведомленности об аут-группе для ослабления стереотипа разнятся, и, хотя знание является важным механизмом, посредством которого контакт приводит к ослаблению стереотипа, характеристики этого знания остаются под вопросом.

Петтигрю и Тропп методом путевого анализа оценили роль каждого механизма-медиатора в связи между контактом и стереотипом [Pettigrew, Tropp, 2012: 98–120]. Связь между переменными «знание о группе» и «предрассудок» в уравнении, содержащем все три переменные, оказалась значимой, однако ее сила составила лишь $r=-0,08$, в то время как сила связи между переменными «контакт» и «предрассудок» при наличии в уравнении переменной «знание» уменьшилось лишь на 0,02. Таким образом, знание очень слабо (хотя и значимо) связано с ослаблением стереотипа. Другие два механизма – эмпатия и снижение тревожности – имеют гораздо больший эффект. В том же уравнении, где вместо переменной «знание» использовали переменную «снижение тревожности», сила связи между этой переменной и переменной «предрассудок» составила $r=-0,31$, притом что связь между переменными «контакт» и «предрассудок» существенно ослабла ($\Delta r=0,09$). Сходный эффект имеет переменная «эмпатия»: связь между ней и переменной «предрассудок» $r=-0,32$, а разница в силе связи между переменными «контакт» и «предрассудок» с переменной «эмпатия» в уравнении и без составила $\Delta r=0,11$.

Итак, все указанные механизмы играют роль в ослаблении стереотипов, однако роль знания об аут-группе амбивалентна и не очень существенна, тогда как эмпатия, а также снижение тревожности более важны при обеспечении связи между контактом и дестереотипизацией.

Генерализация эффекта контакта

Один из важнейших вопросов, ответ на который является ключевым для использования техник контакта в практиках гармонизации межнациональных отношений, – это вопрос о генерализации эффекта контакта: представления о ком и о чем меняются в результате взаимодействия с представителями аут-группы. Выделяется три типа генерализации: генерализация на аут-группу в целом, генерализация на другие контексты взаимодействия, а также генерализация на другие аут-группы [AlRamiah et al., 2012: 82–83; Pettigrew, Tropp, 2012: 47–49].

В генерализации эффекта контакта на аут-группу в целом, т.е. при ослаблении стереотипов относительно аут-группы, к которой принадлежит партнер по контакту, и состоит гипотеза контакта как таковая. В ряде работ взаимосвязь контакта между индивидами с дестереотипизацией ставится под вопрос [Amir, 1976; Rothbart, John, 1985]. Механизм, который, по мнению авторов этих работ, элиминирует эффект контакта, был назван рефенсинг (дословный перевод – перенос забора на новое место), или индивидуация. М. Ротбанд и О. Джон на материале нескольких исследований утверждают [Rothbart, John, 1993], что зачастую контакт способствует тому, что член аут-группы в когнитивном смысле перестает быть таковым – его перестают ассоциировать с его ин-группой, при том, что стереотип в отношении ее не ослабляется. Петтигрю и Тропп [Pettigrew, Tropp, 2012: 47–49], однако, показывают, что эффект рефенсинга сильно преувеличен: анализируя дизайн

и результаты 1351 замера, они приходят к выводам о том, что в абсолютном большинстве случаев (1164) речь идет именно о связи контакта с отношением ко всей группе в целом (лишь в 152 случаях замерялось изменение отношения к участникам эксперимента), а также о том, что эта связь значима. Судя по ряду других исследований [Brown, Hewstone, 2005; Brown et al., 1999; Johnston, Hewstone, 1992; Weber, Crocker, 1983], ситуации различаются и в том, что касается очевидности групповой принадлежности участников взаимодействия: чем более типичными членами своей группы являются участники взаимодействия, тем с большей вероятностью произойдет ослабление стереотипа.

Проблема переноса эффекта контакта из одного контекста в другой впервые была поставлена Р. Майнардом в работе «Расовые отношения в угольном бассейне Покахонтас» [Minard, 1952]. В шахте чернокожие и белые шахтеры хорошо относились друг к другу и не видели сложностей в совместной работе, но как только они поднимались из шахты, они переставали общаться – проводили досуг в своих компаниях, равно как и жили в своих частях города. Дж. Хардинг и Р. Хогриф показали [Harding, Hogrefe, 1952], что взаимодействие белых и чернокожих сотрудников универмага на рабочем месте уменьшало нежелание белых работать с чернокожими, однако установки в отношении других типов межгруппового поведения не менялись. В какой степени люди по-разному воспринимают друг друга в различных ситуациях и действительно ли перенос эффекта из контекста в контекст не происходит? База данных, собранная Петтигрю и Тропп, позволяет ответить и на этот вопрос. Было выявлено 17 исследований, где этот вопрос был задан эксплицитно, в связи с чем контекст контакта и контекст замера были разведены. Сила связи для этих исследований оказалась такой же, как и в целом по выборке [Pettigrew, Tropp, 2012: 47–49]. Наиболее убедительное подтверждение реальности такого переноса предоставил С. Кук [Cook, 1978]. В проведенном им лонгитюдном исследовании на первом этапе белые студенты, характеризовавшиеся сильными предрассудками, взаимодействовали с чернокожими студентами в приятной атмосфере. На втором этапе по прошествии нескольких месяцев эффект этих взаимодействий был замерен в условиях, существенно отличавшихся от тех, в которых происходило взаимодействие на первом этапе. Во втором этапе участвовала контрольная группа. Выяснилось, что экспериментальная группа отличалась значительно более низкой силой предрассудка в отношении чернокожих студентов, чем контрольная. Таким образом, эффект контакта переносится из контекста в контекст, и сила предрассудка не привязана к ситуации.

Третий тип генерализации несколько более сложен, чем два предыдущих. Это генерализация эффекта контакта на другие группы, отличные от ин-группы человека, с которым произошел контакт. Первые свидетельства, позволяющие утверждать, что такая генерализация, позже названная эффектом вторичного переноса, происходит, были получены в 1970-х гг. Например, в фокусе одного из исследований оказались канадские дети-англофоны, для которых была организована экскурсия в Квебек, франкоязычный регион Канады. Наряду с изменением отношения к канадцам-франкофонам у участников экскурсии изменилось отношение и к французам тоже [Clement, 1977]. В последующие десятилетия эффект вторичного переноса регулярно получал подтверждения. Исследование биографий праведников мира, людей, спасавших евреев во время Холокоста, показало, что их отличал опыт межклассового общения [Samuel, Oliner, 1988]. По данным исследования, опубликованного Петтигрю в 1997 г. [Pettigrew, 1997], цель которого

состояла в том, чтобы на межстрановом материале (Франция, Великобритания, Голландия и Западная Германия) протестировать гипотезу о вторичном переносе, факт наличия друзей-мигрантов был значимо связан с отношением ко всем мигрантским группам, причем контакт с частью из них был маловероятен. Исследование Таша и коллег [Tausch et al., 2010], проведенное в нескольких регионах, характеризующихся сложными межэтническими отношениями, показало, что, например, отношение турок и греков, живущих на Кипре, к грекам из Греции и туркам из Турции соответственно связано с наличием контактов с соседями по острову. Наиболее сильным свидетельством в пользу эффекта вторичного переноса является исследование, проведенное группой ученых из разных стран в общежитиях Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе (UCLA) [van Laar et al., 2009; Levin et al., 2003, Sidanius et al., 2008]. Это лонгитюдное исследование, в котором приняли участие 2000 студентов, а замеры проводились регулярно в течение четырех лет (всего было сделано 5 замеров). В фокусе исследования была связь между этническими характеристиками соседей по комнате общежития и отношением к различным этническим группам. Наличие соседа, этничность которого отличалась от этничности респондента во время предыдущего замера, влияет на его отношение ко всем этническим группам, представленным в кампусе. Единственное интересное исключение состояло в том, что, если респондент любой этничности жил в комнате со студентом китайского происхождения, его отношение к остальным этническим группам не менялось. Исследователи объясняют это отчасти тем, что мигранты из Китая являются эталонными с точки зрения образовательных достижений, а отчасти тем, что у китайцев предрассудки по сравнению со всеми небелыми студентами выражены сильнее всего. Если верно первое, их соседи не могут провести аналогию между китайскими студентами и студентами других этничностей, если верно второе, китайские студенты как бы делятся своими предрассудками с соседями по комнате. Таким образом, эффект вторичного переноса можно считать доказанным: действительно, если происходит контакт с одной аут-группой, вероятность ослабления стереотипов в отношении других повышается. Возникает, однако, вопрос: а с чем связан этот эффект?

В качестве гипотезы предложено следующее. Во-первых, возможно, работает эффект переноса отношения [Fazio et al., 2004], когнитивный механизм, согласно которому новые объекты оцениваются на основании отношения к похожим объектам, встреченным ранее. Применительно к исследованиям связки контакт-предрассудок это значит, что на категории, связанные между собой в представлении человека, будут распространяться одни и те же представления, и изменение представления об одной категории неизбежно повлечет изменение представления о другой. На данный момент этот механизм является гипотетическим. Хотя известно много исследований, в которых замерялись характеристики отношения как к основной аут-группе, так и к другим аут-группам и фиксировалась связь между контактом с представителем основной аут-группы, отношением к основной аут-группе и к другим аут-группам. Атрибутировать наличие связи механизму переноса отношения преждевременно. Функционирование этого механизма будет доказано только в том случае, когда будет установлена связь между схожестью групп в представлении респондента, с одной стороны, и разницей силы связи между контактом с представителем основной аут-группы и отношением к ней, и силы связи с представителем основной аут-группы и отношением к другим аут-группам, с другой. Именно этот механизм кажется наиболее вероятным драйвером исследуемой связи.

Второй механизм – механизм депровинциализации – был предложен Петтигрю в 1997 г. [Pettigrew, 1997]. Суть его состоит в том, что межгрупповой контакт меняет отношение не только к аут-группе, к которой принадлежит партнер по контакту, но и представление человека о мире в целом: респондент перестает считать свою группу центром вселенной, а ее нормы единственно возможными. В результате ослабляются стереотипы в отношении других аут-групп независимо от их схожести с основной аут-группой. В пользу этой гипотезы свидетельствуют исследования Петтигрю [Pettigrew, 2009] и Таша [Tausch, 2010]. Был использован следующий ход для операционализации гипотезы: измерялась связь между отношением к ин-группе или ее атрибуту и отношением к аут-группам, с представителями которых респонденты не контактировали напрямую. В первом исследовании, где ин-группой были немцы, основной аут-группой – мигранты в Германии, а дополнительными аут-группами – гомосексуалисты и бездомные, была измерена идентификация с Германией и показана связь между этим отношением и силой стереотипов в отношении дополнительных аут-групп. Во втором исследовании была зафиксирована связь между идентификацией с ин-группой – греками-киприотами или турками-киприотами – и силой предрассудка в отношении континентальных греков и турок. Однако, согласно обзору М. Брюер [Brewer, 1999], отношения к ин- и аут-группе не всегда находятся в противофазе. Лоллиот с коллегами, в свою очередь, предлагают другие подходы к измерению депровинциализации, которую, по их мнению, стоит измерять иным образом, например, замеряя уровень поддержки политики мультикультурализма или через исследование сложности социальной идентичности.

Эффект непрямого контакта: воображенный контакт и расширенный контакт

В 2000-е гг., когда связь прямого контакта с ослаблением стереотипов была доказана, исследователи заинтересовались возможностью влияния не прямых форм контакта на выраженность стереотипа. Были определены две такие формы: воображаемый и расширенный контакт, – и каждая из них была подвергнута эмпирической проверке. Воображаемый контакт предполагает проигрывание сценария контакта в представлении человека без осуществления самого контакта. К моменту проведения первых тестов воображаемого контакта применительно к гипотезе контакта было известно, что проигрывание в воображении тех или иных ситуаций вызывает реакции, сходные с теми, которые вызывает участие в реальных ситуациях [Dadds et al., Kosslyn, 2001; Kosslyn, 1995]. Было также известно, что ментальные симуляции могут повлиять на силу стереотипов [Bargh, 1999]. В исследовании И. Блэр и коллег [Blair et al., 2001] была обнаружена связь между участием в ментальной симуляции, в ходе которой участникам эксперимента необходимо было представить сильную женщину, и выраженностью стереотипа, согласно которому женщина – слабое существо. Первая публикация, посвященная связи между воображаемым контактом и ослаблением стереотипов, появилась в 2007 г. [Turner et al., 2007]. Р. Тернер с коллегами провели три эксперимента. В первых двух в фокусе внимания было представление молодежи о стариках. В ходе первого эксперимента участникам из экспериментальной группы было предложено вообразить разговор со стариком, а контрольная группа воображала прогулку по лесу. В результате была зафиксирована разница в ответах на вопросы, связанные с предрассудками по отношению к пожилым

людям. Второй, похожий эксперимент показал, что представление пожилого человека как средства против предрассудка работает хуже, чем представление в сознании ситуации взаимодействия с ним. Согласно результатам третьего эксперимента, воображение разговора с гомосексуалистом меняло отношение к гомосексуалистам в целом. Исследование позволяет утверждать, что механизмом ослабления предрассудков через воображаемый контакт является снижение тревожности по отношению к аут-группе. В опубликованном через год исследовании С. Стати и Р. Криспа [Stathi, Crisp, 2007] на материале экспериментов, которые авторы проводили в Мексике и США, показано, что воображаемый контакт усиливает проекцию позитивных черт на аут-группы: участники экспериментов в описании аут-групп используют больше черт, которыми описывают свою группу, таким образом, один из механизмов, который описывает эту связь, – это механизм проекции позитивных черт. В 2010 г. Тернер с коллегами, исследовав предрассудки по отношению к старикам и мусульманам, пришли к выводу, что воображаемый контакт влияет не только на декларируемые, эксплицитные предрассудки, но и на имплицитные, не осознаваемые человеком [Turner et al., 2010]. Следующий шаг, который предстояло сделать узкому пулу исследователей, сфокусировавшихся на этом вопросе, состоял в том, чтобы навести мосты между воображаемым и реальным контактом. В 2011 г. Крисп и Хусну [Crisp, Husnu, 2011] продемонстрировали, что воображаемый контакт связан с намерением контактировать с аут-группой. Важным в практическом смысле выводом исследования стало то, что воображение контакта от третьего лица (я вижу, как член моей группы разговаривает с чужаком) имеет больший эффект, чем от первого. В 2010 г. Крисп с коллегами [Crisp et al., 2010] предложили два дополняющих друг друга механизма, ответственных за эффективность воображаемого контакта: во-первых, снижение тревожности, во-вторых, освоение поведенческих скриптов, описывающих контакт с представителями аут-группы. Термин «скрипт» авторы заимствуют из теории запланированного поведения, разработанной И. Айзенем [Ajzen, 1991]. Внедрение таких скриптов делает контакт с представителем аут-группы более вероятным. В 2014 г. было приведено метааналитическое доказательство эффективности воображаемого контакта: Э. Майлс и Р. Крисп на материале 70 исследований показали, что в среднем в пересчете на r – критерия Пирсона – связь между таким контактом и различными зависимыми переменными, описывающими отношение, эмоции, поведение и намерения, колебалась между $r=0,17$ (исследования, посвященные отношению) и $r=0,23$ (исследования, посвященные поведению и намерениям) [Miles, Crisp, 2014]. Основные вопросы, которые исследователи, фокусирующиеся на воображаемом контакте, ставят и разрешают, связаны, во-первых, с механизмами, объясняющими действие воображаемого контакта [Husnu, Crisp, 2015], а во-вторых, с разработкой процедур интервенций в различных обстоятельствах [Vezzali, 2014]. Авторы подчеркивают важность воображаемого контакта в обстоятельствах, когда реальный контакт между группами редок и с трудом может возникнуть ситуация, в которой представители групп контактируют [Crisp, Turner, 2013]. Такие обстоятельства характерны для расколотых обществ, например, израильского, кипрского или ирландского.

С воображаемым контактом рука об руку идет расширенный контакт. В основании теории расширенного контакта лежит предположение, согласно которому контакт одного из членов ин-группы, отличного от респондента, с представителем аут-группы влияет на силу

стереотипа респондента в отношении аут-группы. Впервые эта гипотеза была сформулирована коллективом американских авторов во главе со Стивеном Райтом в 1997 г. [Wright et al., 1997]. Авторы отмечают, что определенные наблюдения, находящиеся в основе этой гипотезы, были сделаны намного раньше. Например, Д. Вилнер с коллегами, еще в 1950-х гг. [Wilner et al., 1952] заметили, что личный контакт белых и чернокожих жителей смешанного жилищного проекта действительно влиял на отношение групп друг к другу. Более того, один из механизмов этой связи заключался в том, что белые, видя, как другие белые общаются с чернокожими, все больше воспринимали такие отношения как нормальные. Райт с коллегами провели несколько замеров, для того чтобы проверить эту связь. В первых двух замерах они исследовали связь между знанием о том, что у представителя ин-группы респондента есть друг из аут-группы, и отношением к аут-группе, и доказали наличие этой связи. Третий замер они проводили по мотивам эксперимента Шерифа в Робберс Кейв: разделив участников эксперимента на две группы и спровоцировав вражду между ними, они восстановили позитивный контакт между несколькими представителями двух групп попарно и дали им возможность обсудить этот контакт внутри групп. Выяснилось, что негативное отношение групп друг к другу достигло пика перед контактом, контакт же и последующее обсуждение отношение только улучшили. В дальнейшем связь между расширенным контактом и силой стереотипа была доказана на примере отношений между католиками и протестантами в Северной Ирландии [Paolini et al., 2004], немцев и мигрантов-мусульман в Германии [Pettigrew et al., 2007; Feddes et al., 2009], а также белых и мигрантов из Южной Азии в Великобритании. Среди техник, которые использовались для замера эффекта, были и квазиэкспериментальные: например, в исследовании К. Либкинд и А. Макалистера [Liebkind, McAlister, 1999] подросткам из финских школ давали прочесть историю про члена ин-группы, который дружил с мигрантами, в результате чего их отношение к мигрантам менялось. Сходными техниками пользовались Л. Кэмерон и А. Рутланд, измеряя эффект знания о контакте члена ин-группы (британских школьников) с инвалидами [Cameron, Rutland, 2006] и беженцами [Cameron et al., 2006]. И хотя метаанализ исследований, проведенных в русле гипотезы расширенного контакта, не проводили, с большой долей вероятности можно утверждать, что расширенный контакт с членами аут-группы действительно влияет на силу стереотипа в отношении аут-группы. За счет чего эта связь воспроизводится от ситуации к ситуации и какие механизмы лежат в ее основании?

Райт с коллегами в 1997 г. предложили [Wright et al., 1997], а Тернер, Крисп и Ламберт по прошествии 10 лет подтвердили эмпирически [Turner et al., 2007] наличие четырех механизмов. Во-первых, это общий для всех типов контакта механизм снижения тревожности: если член группы видит, что другой член группы взаимодействует с чужаком и его не отвергают, тревожность в отношении потенциального контакта и аут-группы в целом снижается. Во-вторых, это механизм восприятия ин-групповых норм, и этот медиатор уникален именно для расширенного контакта. Речь идет о том, что в тот момент, когда член группы видит контакт другого члена группы с чужаком или узнает о нем, у него появляются основания предполагать, что такой контакт является нормой, а значит, и этому члену группы следует поступать сходным образом, т.е. налаживать контакт или поработать над собой на предмет барьеров, мешающих контакту. В-третьих, это механизм восприятия аут-групповых норм, согласно которому контакт рассматривается как свидетельство нормальности

неконфликтного контакта с ин-группой среди членов аут-группы. В-четвертых, это механизм включения аут-группы в Я. Этот механизм работает следующим образом: в момент, когда взаимодействия с человеком обусловлены его членством в группе, происходит включение группы в его Я; кроме того, известно, что тесно связанных между собой людей другие люди воспринимают как единое целое. На пересечении двух этих эффектов происходит включение аут-группы в Я, потому что член ин-группы уже является частью Я наблюдателя, к тому же член ин-группы и член аут-группы воспринимаются как единое целое, в результате чего аут-группа интериоризируется.

Таким образом, на силу стереотипа может влиять не только прямой контакт и отношение к аут-группе, но и два типа непрямого контакта – воображаемый и расширенный. Поскольку в некоторых обстоятельствах, например, в расколотых обществах, прямой контакт затруднен, такие техники приобретают особую значимость. Более того, предполагается, что успешные интервенции должны сочетать в себе несколько типов контакта: например, воображаемый контакт может серьезно усилить эффект последующего реального контакта в связи с тем, что уже на первом этапе часть тревожности уйдет, а позитивный сценарий для реального контакта будет проигран в воображении.

Роль общественной позиции групп – участниц контакта

Контакт – это взаимодействие представителей как минимум двух групп, не идентичных друг другу, а значит, отличающихся в части позиции, которую они и их члены занимают в обществе. Можно предположить, что контакт будет иметь разный эффект в зависимости от этой позиции. Описанная проблема в фокусе оказалась сравнительно недавно: сначала К. Эллисон и Д. Пауэрс обратили внимание на то, что результат контакта среди его чернокожих участников отличается от исхода контакта для белых [Ellison, Powers, 1994], затем Н. Шелтон [Shelton, 2000] указала на то, что в основном исследования контакта – это исследования предрассудка большинства в отношении меньшинства и его ослабления в результате взаимодействия. К концу первого десятилетия XXI в. эта проблема была осознана, и в текстах, посвященных описанию традиции исследования контакта, фиксируется определенное продвижение в эмпирических исследованиях влияния разностатусности групп на эффект контакта. Петтигрю и Тропп [Pettigrew, Tropp, 2012: 160–168] отмечают, действительно, хотя эмпирически в основном изучается влияние контакта на стереотипы доминирующей группы, в последние годы появилось значительное число исследований, в фокусе которых лежат представления меньшинств о большинстве. Основываясь на своей базе данных, авторы приводят соотношение одних исследований к другим: 72%, или 505, исследований фиксируют стереотипы большинства, 20% посвящены стереотипам меньшинства, а еще 7% составляют исследования, где измерены стереотипы обеих групп. В какой степени контакт равно эффективен в том, что касается снижения стереотипов и для большинства, и для меньшинства? Петтигрю и Тропп так отвечают на этот вопрос: и для первых, и для вторых контакт является фактором ослабления стереотипов и гармонизации межэтнических отношений, однако на большинство контакт влияет сильнее. Сила связи между контактом и силой стереотипа для большинства, согласно метаанализу, $r=0,23$, в то время как для меньшинства $r=0,18$. Еще большая разница фиксируется в исследовании Л. Тропп [Tropp, 2007], где на национальной выборке проанализирована

разница в силе связи между контактом и силой стереотипа для белых и чернокожих американцев. Согласно результатам этого исследования, связь между переменными является значимой, однако для чернокожих ее сила составляет всего $r=0,078$, для белых же этот показатель идентичен соответствующей цифре в результатах метаанализа – $r=0,22$. Таким образом, и для большинства, и для меньшинства контакт является фактором ослабления стереотипов, однако связь эта сильнее для большинства. Можно предположить, что разница обусловлена спецификой контакта, и в основании существенного числа исследований последнего времени был положен вопрос о смысле, который сообщают контакту представители разных групп. О чем они хотят контактировать? Какого результата они ждут и как различается эффект контакта в зависимости от его тематики?

Основной вывод серии исследований состоит в том, что высокостатусные группы предпочитают такой контакт, в котором упор делается на схожесть и общность, низкостатусные – на различия и неравенство. Так, И. Маоз, израильский исследователь, в обзоре встреч-интервенций между арабами и евреями в Израиле в контексте асимметричного арабо-израильского конфликта показывает [Maoz, 2011], что евреи комфортнее чувствуют себя в ходе интервенций, выполненных в модели сосуществования, в рамках которой подчеркиваются сходства между арабами и евреями. Среди оснований для общности может быть, например, географическое положение их стран в средиземноморской зоне или тот факт, что все они едят фалафель и хумус. Для арабов более важной темой для разговора при контакте является сам конфликт, и исследователи помещают такие встречи в модель конфронтации. В одном из экспериментов Маоз установил: если у евреев и арабов была возможность повлиять на выбор темы встречи, евреи предпочитали говорить о проблемах системы образования (общих для обеих наций), арабы же стремились обсуждать политическую ситуацию на Ближнем Востоке. Похожие результаты были получены в лабораторных условиях, когда доминирование одной группы, состоящей из произвольно отобранных людей, достигалось посредством неравного распределения кредитов – «внутренней валюты» эксперимента. Серия исследований Т. Сагуй и Дж. Довидио показала, что доминирующая группа раз за разом предпочитает говорить о сходствах, а более слабая и лишенная ресурсов – о различиях [Dovidio et al., 2009; Saguy et al., 2008]. Интересно и то, что результатом контакта является изменение отношения не только к самой группе, но и к ее повестке дня. Дж. Диксон и коллеги демонстрируют [Dixon et al., 2010], что контакт белых и чернокожих американцев приводит к тому, что белые начинают поддерживать политику равноправия, а Б. Хайес и Л. Доудс [Hayes, Dowds, 2006] – что взаимодействие с мигрантами изменяет отношение к миграционной политике и влечет за собой поддержку промигрантского законодательства. Более того, доказано, что для низкостатусных групп контакт связан с уменьшением желания их членов изменять свой статус-кво. С. Райт и М. Любенски [Write, Lubensky, 2009] демонстрируют этот эффект для контактов чернокожих и латинос с белыми американцами, Т. Сагуй [Saguy et al., 2009] с коллегами подтвердили вышесказанное на ближневосточном материале, а Дж. Диксон, К. Дюррейм и К. Тредо [Dixon et al., 2007] получили те же результаты в ЮАР.

Таким образом, соотношение статуса групп, участвующих в контакте, является значимым фактором. Во-первых, известно, что контакт более продуктивен для социально успешных групп – на их стереотипы он оказывает большее влияние, чем на стереотипы

менее успешных групп. Во-вторых, представители успешных групп в ходе контакта предпочитают обсуждать сходства между группами, а менее успешных – неравенство. Если обсуждается не та тема, можно ожидать меньшей вовлеченности соответствующей группы в процедуру контакта. В-третьих, контакт способствует тому, что группы пересматривают свое отношение к политике в отношении групп-партнеров по контакту: успешные группы начинают сильнее поддерживать политику равенства, менее успешные группы пересматривают свое отношение к радикальным изменениям статуса-кво.

Негативный контакт

Если бы любой контакт снижал предрассудки, можно было бы ожидать, что в современном обществе, предполагающем постоянные контакты людей разной этничности, предрассудки давно были бы искоренены. Однако они продолжают существовать. Цикл исследований, стартовавший в середине 2000-х гг. [Pettigrew, Tropp, 2006], показывает, что одной из возможных причин такого положения дел является валентность контакта – позитивный контакт может способствовать ослаблению предрассудка, а негативный – его усилению и укоренению. Более того, есть основания предполагать, что негативный контакт весит больше, чем позитивный в том, что касается влияния на предрассудки. В статье с говорящим названием «Плохое сильнее хорошего» Р. Баймастер с коллегами [Baumeister et al., 2001] наглядно демонстрируют на чередующихся исследованиях, что негативные эмоции и негативный опыт влияют на отношение и поведение сильнее, чем позитивный. Одним из первых тестов этого предположения стала работа Петтигрю и Тропп [Pettigrew, Tropp, 2012: 156–171], в которой, измерив на национальной выборке одновременно позитивный и негативный контакты (последний был измерен вопросом «Как часто иностранцы вам докучали?»), авторы пришли к выводу, что оба типа контакта связаны с силой стереотипа, при этом позитивный контакт связан со стереотипом сильнее, чем негативный. В более поздних работах (в частности в статье Ф.К. Барлова с коллегами [Barlow et al., 2012]) Петтигрю и Тропп ставится в вину то, что негативный контакт был измерен меньшим количеством вопросов, чем позитивный. Барлов проводит два исследования и публикует результаты в одной статье, вышедшей в 2012 г. В рамках первого исследования в качестве эмпирического материала выступили результаты исследований позитивного и негативного контактов, проведенные к тому моменту в Австралии среди белого большинства, мусульманского населения, а также среди беженцев, тоже преимущественно из мусульманских стран. Второе исследование было выполнено на американской национальной выборке. Оба исследования показали, что негативный контакт является более последовательным и сильным предиктором стереотипа. Другой важной инвестицией в вопрос эффекта негативного контакта стало исследование С. Паolini и коллег [Paolini et al., 2010]. Оно выявило возможный механизм этого эффекта, получивший название «валентность-значимость». Согласно этому механизму негативный контакт делает этнические категории более важными, а позитивный, напротив, позволяет о них забыть. Таким образом, апеллируя к категориям, негативный контакт напоминает о категории и ее атрибутах, в том числе о негативных стереотипах. Можно говорить, что негативный контакт играет важную роль в формировании и поддержании стереотипа и что эффект негативного контакта перевешивает эффект позитивного. Детальные механизмы этой связи, а также

типология и детализация эффекта негативного контакта на данный момент не исследованы и должны оказаться в фокусе будущих исследований.

Способен ли контакт изменить установки особенно нетерпимых людей?

Несмотря на значительный ажиотаж, вызванный постепенно открывающимися перспективами контакта как средства ослабления предрассудков, на протяжении последних 50 лет ряд авторов выражают скепсис об эффективности контакта, когда контактирующим является нетерпимый человек. Олпорт сомневается, что ситуативная переменная, связанная с контактом, в подобных ситуациях может победить личностные переменные [Allport, 1979: 280]. Й. Амир отмечает, что на людей с определенным типом личности контакт не оказывает воздействие, поскольку их внутренняя неуверенность и личностный раздрай не позволяют контактировать с группой, по отношению к которой они испытывают предрассудок, с пользой для себя, им всегда нужен козел отпущения [Amir, 1969]. Петтигрю в одной из ключевых обзорных работ, появившихся до лавинообразного потока исследований 2000-х гг., указывает, что такие люди, во-первых, избегают контакта, а во-вторых, всячески сопротивляются его эффекту [Pettigrew, 1998: 80]. В 1990-х гг. психологам удалось сконструировать и укоренить в эмпирических исследованиях два концепта, позже ставших ключевыми для объяснения стереотипа на личностном уровне. Во-первых, это *правый авторитаризм (rightwing authoritarianism)*, концепт, представленный в качестве эмпирического в работе Б. Альтемеера «Авторитарный спектр» [Altemeyer, 1996]. Авторитарная личность характеризуется приверженностью конвенциям и традициям, подчинением властям и агрессией против аут-групп, если это позволено. Во-вторых, это *ориентация на социальное доминирование (social dominance orientation)* – концепт, представленный в 1994 г. Ф. Прато с коллегами [Pratto et al., 1994] и сразу же получивший признание среди психологов в связи с его сильными объяснительными возможностями. Именно ориентация на социальное доминирование лежит в основании предпочтения теми или иными людьми вертикальных или горизонтальных социальных структур, а также радикальных идеологий. В дальнейшем эти концепты использовались для эмпирического описания нетерпимости. Вопрос был сформулирован следующим образом: в какой степени эффект контакта распространяется и на людей, характеризующихся высокими показателями по шкалам правого авторитаризма и ориентации на социальное доминирование, хотя в некоторых исследованиях предрассудок мог быть операционализирован иначе, как например, в исследованиях И. Маоз.

Исследователь Маоз [Maoz, 2000a; Maoz, 2000b], посвятивший свои труды контактам между израильтянами и палестинцами, в 2003 г. выпустил работу, в которой продемонстрировалась разница между результатом контакта с палестинцами израильских подростков с сильными или слабыми антипалестинскими установками [Maoz, 2003]. Израильская реальность позволяет довольно просто и точно определить отношение израильтян к палестинцам, поскольку оно связано с поддержкой политики в отношении неудобных соседей, а поддержка политики – с поддержкой тех или иных израильских партий, расположенных в спектре от крайне правых (радикальная националистическая политика, резко негативное отношение к палестинцам) до крайне левых (универсализм, установка на добрососедское отношение к палестинцам). Перед началом эксперимента Маоз определил

политические предпочтения израильтян, в результате чего вся совокупность испытуемых была разделена на «ястребов» – поддерживающих правые партии, и «голубей» – сторонников левых партий. Затем был осуществлен контакт с замером установок до и после. Как и предполагалось, «голуби» показали более позитивные установки в отношении самой возможности контакта. Для «ястребов» контакт был нежелателен. Однако затем был получен неожиданный результат: установки «ястребов» в результате контакта резко изменились в лучшую сторону, а установки «голубей» остались на прежнем уровне.

Практически идентичные результаты получены Г. Ходсоном [Hodson, 2008] в исследовании контакта в тюрьмах. Известно, что в ситуациях, участники которых продолжительное время вынуждены находиться на одной территории (например, в школах), контакт будет эффективнее, чем в более открытых социальных ситуациях (например, экскурсии), однако не очевидно, что в ситуации радикальной закрытости социальной ситуации (например, в тюрьме), этот эффект будет сохраняться. Ходсон провел два анкетирования в двух разных тюрьмах и показал, что контакт среди людей, ориентированных на социальное доминирование, происходит реже, но если он происходит, его эффект сильнее, чем для более толерантных людей. Можно сделать однозначный вывод: те, кто отличаются сильными националистическими, расистскими и антимигрантскими установками, будут избегать контакта, но если контакт все-таки произойдет, он значительно изменит их установки. Ходсон предлагает ряд механизмов, объясняющих этот результат [Hodson, 2011]. Например, известно, что люди с высокими показателями правого авторитаризма и ориентации на социальное доминирование характеризуются более высоким уровнем тревожности, у них более высокая установка на соблюдение норм, они в меньшей степени приемлют новое. В этой ситуации контакт будет тем новым, которое тревожит, в результате чего такие люди попытаются избежать контакта. Общая рекомендация для интервенций, которую приводят Ходсон с коллегами в другой работе [Hodson et al., 2013], состоит в том, чтобы готовить нетерпимых людей к контакту методами расширенного или воображенного контакта, разрывая связь между тревогой и ситуациями контакта с представителями аут-групп.

Какие еще переменные предсказывают контакт?

Петтигрю и Тропп выделяют восемь классов переменных, которые, согласно результатам исследований, проведенных в разных странах и контекстах, посвященных разным темам и группам и выполненных в рамках разных дисциплин, объясняют предрассудок. Вот эти классы: переменные социального контекста; переменные, описывающие социальные позиции групп; экономические переменные; политические переменные; персональные переменные; переменные, связанные с идентичностью; переменные, описывающие субъективно воспринимаемую угрозу; переменные, связанные с персональным опытом [Pettigrew, Tropp, 2012: 156–171].

Типичное исследование переменных социального контекста было проведено в провинции Альберта в Канаде. Замеряли эффект величины населенного пункта, рост населения за пять лет, предшествовавших исследованию, агрегированный уровень образования, процент мигрантов, а также уровень безработицы. Исследование показало, что размер населенного пункта, равно как и доля мигрантов в его населении, связаны с

более выраженным стереотипом [Mulder, Crahn, 2005], при этом авторы уточняют, что в регрессионной модели эти переменные взаимозаменяемы и скорее всего концептуальной объясняющей переменной является размер населенного пункта и характеристики социальных отношений, являющиеся функцией от этого размера. Какую роль играет пропорция мигрантов и принимающего населения на определенной территории? Многочисленные исследования демонстрируют противоречащие друг другу результаты. Есть исследования, указывающие на позитивную связь [Dixon, 2006; Taylor, 1998; Pettigrew, Cramer, 1959], есть те, которые фиксируют негативную связь [Fetzer, 2000a; Hayes, Dowds, 2006; Hood, Morris, 2000; Stein et al., 2000], а есть говорящие о том, что связи между переменными нет [Citrin et al., 1997; Kessler, Freeman, 2005; Pantoja, 2006], из чего можно заключить, что сама по себе доля мигрантов (вопреки расхожему мнению) не связана с характеристиками взаимодействий и культурными интерпретациями этнического пограничья и не приводит к усилению или ослаблению стереотипа.

Социально-демографические характеристики также играют свою роль при объяснении выраженности стереотипа. Например, чем старше человек, тем более он подвержен стереотипам. Такие результаты были зафиксированы как на европейском [Fetzer, 2000b; Mayda, 2006], так и на американском [Mulder, Crahn, 2005] материале, впрочем, небольшая часть исследований указывает либо на отсутствие связи [Hayes, Dowds, 2006], либо на более сложные зависимости. Так, кросс-национальное исследование стран Европы, выполненное Джексоном с коллегами, показало [Jackson et al., 2001], что в большинстве стран люди старшего возраста хуже относятся к мигрантам, но в Великобритании связь имеет обратное направление. В отношении гендера как детерминанта выраженности предрассудка результаты не столь однозначны. Существенная доля исследований указывает на отсутствие связи [Fetzer, 2000a; Hayes, Dowds, 2006; Blake, 2003], есть исследования, которые фиксируют эффект для отдельных групп или по отдельным вопросам [Jackson, 1973; Kessler, Freeman, 2005] либо указывают на неустойчивость результатов [Burns, Gimpel, 2000], из чего можно сделать вывод, что стабильной связи между гендером и предрассудком нет. Образование является более очевидным детерминантом предрассудка. Ряд исследований указывает на наличие связи между этими переменными [Fetzer, 2000a; Hayes, Dowds, 2000; Kessler, Freeman, 2005; Mayda, 2006], некоторые – на ключевой характер уровня образования [Palmer, 1996; Blake, 2003]. Однако есть и другое мнение, согласно которому уровень образования свидетельствует о большей вероятности того, что респондент даст социально желаемый ответ на вопрос, связанный с предрассудками [Jackman, 1973]. Тем не менее по совокупности результатов исследований с высокой долей уверенности можно говорить о связи между уровнем образования и выраженностью стереотипа.

Экономические переменные в качестве объясняющих демонстрируют скромные результаты. Прежде всего между субъективной и объективной оценкой благосостояния, с одной стороны, и выраженностью предрассудка, с другой, фиксируется не очень сильная связь, причем далеко не во всех исследованиях [Pettigrew et al., 2007]. Отсутствие работы и уровень безработицы также не играют ожидаемой роли [Fetzer, 2000a; Kessler, Freeman, 2005]. Между тем стабильно высокую связь с выраженностью предрассудка демонстрирует производная переменная от прочих экономических переменных – уровень релятивной депривации, т.е. субъективное представление о проигрыше индивида или его группы

другим по сравнению с другими индивидами и группами в экономическом и социальном измерении [Walker, Pettigrew, 1984]. Многоуровневый анализ Кесслера и Фримена показывает, что антимигрантские настроения сильнее всего проявляются на территориях с большой долей мигрантов, а также с высоким уровнем безработицы [Kessler, Freeman, 2005].

Среди политических установок в части предсказания выраженности стереотипа наиболее существенную роль играет переменная «политический консерватизм». Согласно исследованию Кесслера и Фримана, политически консервативные граждане Европейского союза (ЕС) чаще соглашались с высказыванием, согласно которому в странах ЕС слишком много мигрантов и более принимать мигрантов не следует [Kessler, Freeman, 2005]. Сходные результаты были получены за океаном: канадец Битон с коллегами показали, что антимигрантские взгляды связаны с политическим консерватизмом на уровне $r=0,43$ [Beaton et al., 2003].

Другой набор переменных, предсказывающих предрассудок – это личностные характеристики, из которых две важнейших – правый авторитаризм и ориентация на социальное доминирование. Правый авторитаризм – шкала, предложенная Альтемеером [Altemeyer, 1981] в 1980-х гг., демонстрирует готовность человека подчиняться лидерам и правилам, а также действовать против нарушителей и девиантов. Как показало исследование по национальной репрезентативной выборке в Германии [Pettigrew, Tropp, 2012: 156–171], все включенные в исследование операнты предрассудка оказались связаны с авторитаризмом на индивидуальном уровне, а сила связи колебалась между $r=0,26$ (отношение к евреям) и $r=0,54$ (отношение к живущим в Германии иностранцам). Ориентация на социальное доминирование – показатель, измеряющий установку на равенство групп в обществе, связан с правым авторитаризмом [Roccatò, Ricolfi, 2005] и также является коррелятом отношения к мигрантам и силой стереотипов, с ними связанных [Jackson, Esses, 2000].

Переменные, касающиеся групповой идентичности, тоже связаны с выраженностью стереотипа в отношении аут-групп, однако, как показывают исследования, различные идентичности – это разный знак связи. Если, например, выраженность национальной идентичности для немцев негативно связана с отношением к мигрантам, идентификация с ЕС как наднациональным образованием с той же характеристикой связана позитивно [Pettigrew, Tropp, 2012: 156–171]. Подобные выводы подтверждаются и другими исследованиями [Jackson et al., 2001; Luedtke, 2005], и лишь в Бельгии, где национальная идентичность связана с инклюзивным проектом дружбы между фламандскими и французскими регионами, прослеживается прямая связь между идентификацией со страной и отношением к мигрантам [Maddens et al., 2000]. Таким образом, ряд переменных тоже связаны с предрассудком, и, как показывает регрессионная модель, рассчитанная на основе исследования населения Германии, совокупность этих и других независимых переменных в разных комбинациях могут предсказать около 50% распределения уровня предрассудка, измеренного на индивидуальном уровне [Pettigrew, Tropp, 2012: 156–171].

Выводы

За 60 лет, прошедших со времени публикации работы Г. Олпорта, где впервые была сформулирована гипотеза контакта, доказано, что факт межгруппового контакта связан с выраженностью предрассудка. Связь не очень сильная (r в разных исследованиях редко достигает значения 0,3), но воспроизводящаяся во многих сотнях исследований. Кроме того, в русле исследований контакта были изучены многие другие факторы. Во-первых, установлено, что оптимальные условия контакта, сформулированные Олпортом, важны лишь отчасти. Если общие цели у контактирующих, а также институциональная поддержка контакта действительно являются существенным условием ослабления стереотипа, равный статус групп, вовлеченных в контакт, таковым не является за эмпирической невозможностью его выполнения, а подчеркивание общего у групп может даже навредить, например, в том случае, если по значимым характеристикам группы на самом деле не равны. Во-вторых, исследованы механизмы, благодаря которым существует связь между контактом и стереотипом. Два механизма – эмпатия и снижение тревожности – являются ключевыми в ослаблении стереотипов, а вот роль получения в ходе контакта информации о противоположной группе в части ослабления стереотипа переоценена. В-третьих, доказано, что происходит генерализация эффекта контакта, т.е. экстраполяция представлений, полученных в ходе общения с конкретным индивидом, распространяется на всю его группу, при этом объектами генерализации являются как основная группа индивида, так и группы, с которыми в представлении контактирующих эта группа связана. В-четвертых, обнаружено, что ослабление стереотипа связано с двумя типами непрямого контакта – расширенным, в рамках которого контактирует другой член ин-группы, и воображенным, в рамках которого общение происходит лишь в сознании человека. В-пятых, выяснилось, что контакт по-разному воздействует на большинство и меньшинство: представители большинства в большей степени подвержены эффектам контакта, более того, различаются даже темы, которые в ходе контакта хотели бы обсуждать представители большинства и меньшинства. В-шестых, продемонстрировано, что негативный контакт имеет больший эффект, чем позитивный, т.е. выраженность стереотипа при негативном контакте повышается сильнее, чем понижается при позитивном. В-седьмых, контакт имеет влияние и на людей с ярко выраженными предрассудками: они редко контактируют по собственной инициативе, однако, если контакт был осуществлен, шанс, что он изменит установку такого индивида, выше, чем если бы контактировал человек со слабовыраженным стереотипом. В-восьмых, контакт – не единственная переменная, объясняющая выраженность стереотипа. Наряду с контактом такими переменными являются возраст, воспринимаемая релятивная депривация, авторитарные установки, установки на социальное доминирование и др. Есть, однако, важный вопрос, который напрямую не затрагивается в рамках существующих исследований контакта, но, без сомнения, требует ответов. Речь идет о ярко выраженном группизме исследований контакта. Основные социальные агрегаты, с которыми имеет дело теория контакта, – это социальные группы, конструируемые в экспериментальных и квазиэкспериментальных дизайнах, но теряющие эмпирическую «заземленность» в тот момент, когда обстоятельства исследования меняются, и контакт происходит в полевых, прежде всего городских, условиях, где, по замечанию Брубейкера [Брубейкер, 2012], этничность происходит без групп.

Литература

- Ajzen I. The theory of planned behavior //Organizational behavior and human decision processes. 1991. Vol. 50. №. 2. P. 179–211.
- Allport G. W. The nature of prejudice. New York: Basic books, 1979. [1954]
- Altemeyer B. Right-wing authoritarianism. Manitoba: University of Manitoba press, 1981.
- Altemeyer B. The authoritarian specter. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.
- Amir Y. Contact hypothesis in ethnic relations //Psychological bulletin. 1969. Vol. 71. №. 5. P. 335.
- Amir Y. The role of intergroup contact in change of prejudice and ethnic relations //Towards the elimination of racism: Pergamon General Psychology Series. 1976. P. 245–308.
- Bargh J. A. The cognitive monster: The case against the controllability of automatic stereotype effects. //Dual-process theories in social psychology. 1999.
- Barlow F. K. et al. The Contact Caveat Negative Contact Predicts Increased Prejudice More Than Positive Contact Predicts Reduced Prejudice //Personality and Social Psychology Bulletin. 2012. Vol. 38. №. 12. P. 1629–1643.
- Baumeister R. F. et al. Bad is stronger than good //Review of general psychology. 2001. Vol. 5. №. 4. P. 323.
- Baumeister R. F., Vohs K. D. Realistic Group Conflict Theory //Encyclopedia of Social Psychology. 2007. Vol. 2. P. 725–726.
- Beaton A. M. et al. L'impact de valeurs conservatrices et de préjugés racistes sur l'ouverture à l'immigration //Canadian Journal of Behavioural Science/Revue canadienne des sciences du comportement. 2003. Vol. 35. №. 3. P. 229–237.
- Berger J. et al. Status characteristics and expectation states: a process model. Technical report. Laboratory for Social Research, Stanford University, 1965.
- Berger J., Cohen B. P., Zelditch Jr M. Status characteristics and social interaction //American Sociological Review. Vol. 37. №. 3. 1972. P. 241–255.
- Billig M., Tajfel H. Social categorization and similarity in intergroup behaviour //European Journal of Social Psychology. 1973. Vol. 3. №. 1. P. 27–52.
- Blair I. V., Ma J. E., Lenton A. P. Imagining stereotypes away: the moderation of implicit stereotypes through mental imagery //Journal of personality and social psychology. 2001. Vol. 81. №. 5. P. 828–841.
- Blake D. E. Environmental determinants of racial attitudes among white Canadians //Canadian Journal of Political Science/Revue canadienne de science politique. 2003. Vol. 36. №. 3. P. 491–509.
- Blascovich J. et al. Perceiver threat in social interactions with stigmatized others //Journal of personality and social psychology. 2001. Vol. 80. №. 2. P. 253–267.
- Brewer M. B. The psychology of prejudice: Ingroup love and outgroup hate? //Journal of social issues. 1999. Vol. 55. №. 3. P. 429–444.
- Brophy I. N. The luxury of anti-Negro prejudice //Public Opinion Quarterly. 1945. Vol. 9. №. 4. P. 456–466.
- Brown R. et al. Nuestra culpa: collective guilt and shame as predictors of reparation for historical wrongdoing //Journal of personality and social psychology. 2008. Vol. 94. №. 1. P. 75–90.
- Brown R. J. The role of similarity in intergroup relations //The social dimension. 1984. Vol. 2. P. 603–623.
- Brown R. Social identity theory: Past achievements, current problems and future challenges //European Journal of Social Psychology. 2000. Vol. 30. №. 6. P. 745–778.

- Brown R., Hewstone M. An integrative theory of intergroup contact //Advances in experimental social psychology. 2005. Vol. 37. №37. P. 255–343.
- Brown R., Vivian J., Hewstone M. Changing attitudes through intergroup contact: The effects of group membership salience //European Journal of Social Psychology. 1999. Vol. 29. №56. P. 741–764.
- Burns P., Gimpel J. G. Economic insecurity, prejudicial stereotypes, and public opinion on immigration policy //Political Science Quarterly. 2000. Vol. 115. №2. P. 201–225.
- Byrne D. E. The attraction paradigm. New York: AcademicPr, 1971.
- Cameron L. et al. Changing children's intergroup attitudes toward refugees: Testing different models of extended contact //Child Development. 2006. Vol. 77. №5. P. 1208–1219.
- Cameron L., Rutland A. Extended contact through story reading in school: Reducing children's prejudice toward the disabled //Journal of Social Issues. 2006. Vol. 62. №3. P. 469–488.
- Chu D., Griffey D. The contact theory of racial integration: The case of sport //Sociology of Sport Journal. 1985. Vol. 2. №4. P. 323–333.
- Citrin J. et al. Public opinion toward immigration reform: The role of economic motivations //The Journal of Politics. 1997. Vol. 59. №3. P. 858–881.
- Clément R., Gardner R. C., Smythe P. C. Inter-ethnic contact: Attitudinal consequences //Canadian Journal of Behavioural Science/Revue canadienne des sciences du comportement. 1977. Vol. 9. №3. P. 205.
- Cohen E. G. Expectation states and interracial interaction in school settings //Annual review of sociology. Vol. 8. 1982. P. 209–235.
- Cook S. W. Interpersonal and attitudinal outcomes in cooperating interracial groups //Journal of Research & Development in Education. 1978. Vol. 12. №1. P. 97–113.
- Crisp R. J. et al. From imagery to intention: A dual route model of imagined contact effects //European review of social psychology. 2010. Vol. 21. №1. P. 188–236.
- Crisp R. J., Husnu S. Attributional processes underlying imagined contact effects //Group Processes & Intergroup Relations. 2011. Vol. 14. №2. P. 275–287.
- Crisp R. J., Turner R. N. Imagined intergroup contact: Refinements, debates and clarifications //Advances in intergroup contact / Eds. G. Hodson, M. Hewstone. New York: Psychology Press (Taylor & Francis). 2013. P. 135–151.
- Dadds M. R. et al. Imagery in human classical conditioning //Psychological bulletin. 1997. Vol. 122. №1. P. 89–103.
- Deutsch M., Collins M. E. Interracial housing: A psychological evaluation of a social experiment. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1951.
- Dixon J. C. The ties that bind and those that don't: Toward reconciling group threat and contact theories of prejudice //Social Forces. 2006. Vol. 84. №4. P. 2179–2204.
- Dixon J. et al. Challenging the stubborn core of opposition to equality: Racial contact and policy attitudes //Political Psychology. 2010. Vol. 31. №6. P. 831–855.
- Dixon J., Durrheim K., Tredoux C. Intergroup contact and attitudes toward the principle and practice of racial equality //Psychological Science. 2007. Vol. 18. №10. P. 867–872.
- Dovidio J. F., Gaertner S. L., Saguy T. Commonality and the complexity of “we”: Social attitudes and social change //Personality and Social Psychology Review. 2009. Vol. 13. №1. P. 3–20.
- Ellison C. G., Powers D. A. The contact hypothesis and racial attitudes among Black Americans //Social Science Quarterly. 1994. Vol. 75. №2. P. 385–400.
- Elster J. Nuts and bolts for the social sciences. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

- Fazio R. H., Eiser J. R., Shook N. J. Attitude formation through exploration: valence asymmetries // *Journal of personality and social psychology*. 2004. Vol. 87. №3. P. 293–311.
- Feddes A. R., Noack P., Rutland A. Direct and extended friendship effects on minority and majority children's interethnic attitudes: A longitudinal study // *Child development*. 2009. Vol. 80. №2. P. 377–390.
- Fetzer J. S. Economic self-interest or cultural marginality? Anti-immigration sentiment and nativist political movements in France, Germany and the USA // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2000. Vol. 26. №1. P. 5–23.
- Fetzer J. S. Public attitudes toward immigration in the United States, France, and Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Galinsky A. D., Moskowitz G. B. Perspective-taking: decreasing stereotype expression, stereotype accessibility, and in-group favoritism // *Journal of personality and social psychology*. 2000. Vol. 78. №4. P. 708.
- Goffman E. The presentation of self in everyday life. New York: Anchor, 1959.
- Harding J., Hogrefe R. Attitudes of White Department Store Employees Toward Negro Co-Workers // *Journal of Social Issues*. 1952. Vol. 8. №1. P. 18–28.
- Hayes B. C., Dowds L. Social contact, cultural marginality or economic self-interest? Attitudes towards immigrants in Northern Ireland // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2006. Vol. 32. №3. P. 455–476.
- Hedström P. Dissecting the social: On the principles of analytical sociology. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Hedström P., Bearman P. (ed.). The Oxford handbook of analytical sociology. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Hedström P., Ylikoski P. Causal mechanisms in the social sciences // *Annual Review of Sociology*. 2010. Vol. 36. P. 49–67.
- Hewstone M., Swart H. Fifty-odd years of inter-group contact: From hypothesis to integrated theory // *British Journal of Social Psychology*. 2011. Vol. 50. №3. P. 374–386.
- Hodson G. Do ideologically intolerant people benefit from intergroup contact? // *Current Directions in Psychological Science*. 2011. Vol. 20. №3. P. 154–159.
- Hodson G. Interracial prison contact: The pros for (socially dominant) cons // *British Journal of Social Psychology*. 2008. Vol. 47. №2. P. 325–351.
- Hodson G., Costello K., MacInnis C. C. Is intergroup contact beneficial among intolerant people? Exploring individual differences in the benefits of contact on attitudes // *Advances in intergroup contact*. New York: Psychology Press, 2012. P. 49–80.
- Hodson G., Hewstone M. (ed.). *Advances in intergroup contact*. New York: Psychology Press, 2012.
- Hood III M. V., Morris I. L. Brother, can you spare a dime? Racial/ethnic context and the Anglo vote on Proposition 187 // *Social Science Quarterly*. 2000. Vol. 81. №1. P. 194–206.
- Husnu S., Crisp R. J. Perspective-taking mediates the imagined contact effect // *International Journal of Intercultural Relations*. 2015. Vol. 44. P. 29–34.
- Jackman M. R. Education and prejudice or education and response-set? // *American Sociological Review*. 1973. P. 327–339.
- Jackson J. S. et al. Contemporary Immigration Policy Orientations Among Dominant-Group Members in Western Europe // *Journal of Social Issues*. 2001. Vol. 57. №3. P. 431–456.
- Jackson L. M., Esses V. M. Effects of perceived economic competition on people's willingness to help empower immigrants // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2000. Vol. 3. №4. P. 419–435.

- Johnson D. W., Johnson R. T., Maruyama G. Interdependence and interpersonal attraction among heterogeneous and homogeneous individuals: a theoretical formulation and a meta-analysis of the research //Review of educational research. 1983. Vol. 53. №1. P. 5–54.
- Johnston L., Hewstone M. Cognitive models of stereotype change: 3. Subtyping and the perceived typicality of disconfirming group members //Journal of Experimental Social Psychology. 1992. Vol. 28. №4. P. 360–386.
- Kalev A., Dobbin F., Kelly E. Best practices or best guesses? Assessing the efficacy of corporate affirmative action and diversity policies //American sociological review. 2006. Vol. 71. №4. P. 589–617.
- Kessler A. E., Freeman G. P. Public Opinion in the EU on Immigration from Outside the Community //JCMS: Journal of Common Market Studies. 2005. Vol. 43. №4. P. 825–850.
- Kosslyn S. M., Behrmann M., Jeannerod M. The cognitive neuroscience of mental imagery //Neuropsychologia. 1995. Vol. 33. №11. P. 1335–1344.
- Kosslyn S. M., Ganis G., Thompson W. L. Neural foundations of imagery// Nature Reviews Neuroscience. 2001. Vol. 2. №9. P. 635–642.
- Levin S., Van Laar C., Sidanius J. The effects of ingroup and outgroup friendships on ethnic attitudes in college: A longitudinal study //Group Processes & Intergroup Relations. 2003. Vol. 6. №1. P. 76–92.
- Liebkind K., McAlister A. L. Extended contact through peer modelling to promote tolerance in Finland //European Journal of Social Psychology. 1999. Vol. 29. №5-6. P. 765–780.
- Al Ramiah A. et al. Generalized effects of intergroup contact //Advances in intergroup contact. 2013. New York: Psychology Press, 2012. P. 81–102.
- Longshore D. The impact of the Emergency School Aid Act on human relations in desegregated elementary schools //Educational Evaluation and Policy Analysis. 1983. Vol. 5. №4. P. 415–424.
- Luedtke A. European Integration, Public Opinion and Immigration Policy Testing the Impact of National Identity //European Union Politics. Vol. 6. №1. 2005. P. 83–112.
- Machamer P., Darden L., Craver C. F. Thinking about mechanisms //Philosophy of science. Vol. 67. №1. 2000. P. 1–25.
- Maddens B., Billiet J., Beerten R. National identity and the attitude towards foreigners in multi-national states: the case of Belgium //Journal of ethnic and migration studies. 2000. Vol. 26. №1. P. 45–60.
- Mallett R. K. et al. Seeing through their eyes: When majority group members take collective action on behalf of an outgroup //Group Processes & Intergroup Relations. 2008. Vol. 11. №4. P. 451–470.
- Maoz I. Does contact work in protracted asymmetrical conflict? Appraising 20 years of reconciliation-aimed encounters between Israeli Jews and Palestinians //Journal of Peace Research. 2011. Vol. 48. №1. P. 115–125.
- Maoz I. Multiple Conflicts and Competing Agendas: A Framework for Conceptualizing Structured Encounters Between Groups in Conflict??? The Case of a Coexistence Project of Jews and Palestinians in Israel //Peace and Conflict: Journal of peace psychology. 2000a. Vol. 6. №2. P. 135–156.
- Maoz I. Peace-building with the hawks: Attitude change of Jewish-Israeli hawks and doves following dialogue encounters with Palestinians //International journal of intercultural relations. 2003. Vol. 27. №6. P. 701–714.
- Maoz I. Power relations in intergroup encounters: A case study of Jewish–Arab encounters in Israel //International Journal of Intercultural Relations. 2000b. Vol. 24.

№2. P. 259–277.

Mayda A. M. Who is against immigration? A cross-country investigation of individual attitudes toward immigrants //The Review of Economics and Statistics. 2006. Vol. 88. №3. P. 510–530.

McFarland S. Authoritarianism, social dominance, and other roots of generalized prejudice //Political Psychology. 2010. Vol. 31. №3. P. 453–477.

Miles E., Crisp R. J. A meta-analytic test of the imagined contact hypothesis //Group Processes & Intergroup Relations. 2014. Vol. 17. №1. P. 3–26.

Minard R. D. Race relationships in the Pocahontas coal field //Journal of Social Issues. 1952. Vol. 8. №1. P. 29–44.

Mulder M., Krahn H. Individual-and Community-level Determinants of Support for Immigration and Cultural Diversity in Canada //Canadian Review of Sociology/Revue canadienne de sociologie. 2005. Vol. 42. №4. P. 421–444.

Newcomb T. M. The acquaintance process. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1961.

Page-Gould E., Mendoza-Denton R., Tropp L.R. With a little help from my cross-group friend: reducing anxiety in intergroup contexts through cross-group friendship //Journal of personality and social psychology. 2008. T. 95. №5. C. 1080.

Palmer D. L. Determinants of Canadian attitudes toward immigration: More than just racism? //Canadian Journal of Behavioural Science/Revue canadienne des sciences du comportement. 1996. Vol. 28. №3. P. 180–192.

Paolini S. et al. Effects of direct and indirect cross-group friendships on judgments of Catholics and Protestants in Northern Ireland: The mediating role of an anxiety-reduction mechanism //Personality and Social Psychology Bulletin. 2004. Vol. 30. №6. P. 770–786.

Paolini S., Harwood J., Rubin M. Negative intergroup contact makes group memberships salient: Explaining why intergroup conflict endures //Personality and Social Psychology Bulletin. 2010. Vol. 36. №12. P. 1723–1738.

Parker J. H. The interaction of negroes and whites in an integrated church setting //Social Forces. 1968. Vol. 46. №3. P. 359–366.

Patchen M. Black-White contact in schools: Its social and academic effects. Purdue University Press, 1982.

Pettigrew T. F. et al. Direct and indirect intergroup contact effects on prejudice: A normative interpretation //International Journal of Intercultural Relations. 2007. Vol. 31. №4. P. 411–425.

Pettigrew T. F. Generalized intergroup contact effects on prejudice //Personality and Social Psychology Bulletin. 1997. Vol. 23. №2. P. 173–185.

Pettigrew T. F. Intergroup contact theory //Annual review of psychology. 1998. Vol. 49. №1. P. 65–85.

Pettigrew T. F. Secondary transfer effect of contact //Social Psychology. 2009. Vol. 40. №2. P. 55–65.

Pettigrew T. F. The ultimate attribution error: Extending Allport's cognitive analysis of prejudice //Personality and Social Psychology Bulletin. 1979. Vol. 5. №4. P. 461–476.

Pettigrew T. F., Tropp L. R. A meta-analytic test of intergroup contact theory //Journal of personality and social psychology. 2006. Vol. 90. №5. C. 751–783.

Pettigrew T. F., Tropp L. R. When groups meet: The dynamics of intergroup contact. New York: Psychology Press, 2012.

Pettigrew T. F., Wagner U., Christ O. Who opposes immigration? //Du Bois Review: Social Science and Research on Race. 2007. Vol. 4. №1. P. 19–39.

Pettigrew T. F., Cramer M. R. The Demography of Desegregation1 //Journal of Social Issues. 1959. Vol. 15. №4. P. 61–71.

- Pratto F. et al. Social dominance orientation: A personality variable predicting social and political attitudes // *Journal of personality and social psychology*. 1994. Vol. 67. №4. P. 741–763.
- Roccatto M., Ricolfi L. On the correlation between right-wing authoritarianism and social dominance orientation // *Basic and applied social psychology*. 2005. Vol. 27. №3. P. 187–200.
- Rokeach M. *The open and closed mind; investigations into the nature of belief systems and personality systems*. New York: Basic Books, 1960.
- Rothbart M., John O. P. Intergroup relations and stereotype change: A social-cognitive analysis and some longitudinal findings // *Prejudice, politics, and the American dilemma* / Eds. Paul M. Sniderman and Philip E. Tetlock. Stanford: Stanford University Press, 1993. P. 32–59.
- Rothbart M., John O. P. Social categorization and behavioral episodes: A cognitive analysis of the effects of intergroup contact // *Journal of Social Issues*. 1985. Vol. 41. №3. P. 81–104.
- Saguy T. et al. The irony of harmony intergroup contact can produce false expectations for equality // *Psychological Science*. 2009. Vol. 20. №1. P. 114–121.
- Saguy T., Dovidio J. F., Pratto F. Beyond contact: Intergroup contact in the context of power relations // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2008. Vol. 34. №3. C. 432–445.
- Samuel P., Oliner P. M. *The Altruistic Personality: Rescuers of Jews in Nazi Europe*. New York: Free Press, 1988.
- Schofield J. W., Eurich-Fulcer R. When and how school desegregation improves intergroup relations // *Blackwell handbook of social psychology: Intergroup processes*. Eds. Brown R., Gaernter, S. Boston: Wiley, 2001. P. 475–494
- Shelton J. N. A reconceptualization of how we study issues of racial prejudice // *Personality and Social Psychology Review*. 2000. Vol. 4. №4. P. 374–390.
- Sherif M. et al. *Intergroup conflict and cooperation: The Robbers Cave experiment*. Norman: University Book Exchange, 1961.
- Sidanius J. et al. *The diversity challenge: Social identity and intergroup relations on the college campus*. New York: Russell Sage Foundation, 2008.
- Stathi S., Crisp R. J. Imagining intergroup contact promotes projection to outgroups // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2008. Vol. 44. №4. P. 943–957.
- Stein R. M., Post S. S., Rinden A. L. Reconciling context and contact effects on racial attitudes // *Political Research Quarterly*. 2000. Vol. 53. №2. P. 285–303.
- Stephan W. G. Intergroup anxiety theory, research, and practice // *Personality and Social Psychology Review*. 2014. Vol. 18. №3. P. 239–255.
- Stephan W. G., Stephan C. W. Intergroup anxiety // *Journal of social issues*. 1985. Vol. 41. №3. P. 157–175.
- Stephan W. G., Stephan C. W. The role of ignorance in intergroup relations // *Groups in contact: The psychology of desegregation* / Eds. Miller N.S., Brewer M.B. Salt Lake City: Academic Press, 1984. P. 229–255.
- Stouffer S. A. et al. *The American soldier: combat and its aftermath*. Vol. 2. Princeton: Princeton University Press, 1949.
- Tajfel H. (ed.) *Social identity and intergroup relations*. Cambridge University Press, 2010.
- Tajfel H. Experiments in intergroup discrimination // *Scientific American*. 1970. Vol. 223. №5. P. 96–102.
- Tajfel H., Turner J. C. An integrative theory of intergroup conflict // *The social psychology of intergroup relations* / Eds. Austin, W., Worchel. S. 1979.
- Tausch N. et al. Secondary transfer effects of intergroup contact: Alternative accounts

- and underlying processes // *Journal of personality and social psychology*. 2010. Vol. 99. №2. P. 282–302.
- Taylor M. C. How white attitudes vary with the racial composition of local populations: Numbers count // *American Sociological Review*. Vol. 63. №4. 1998. P. 512–535.
- Triandis H. C. *Culture and social behavior*. New York: McGraw-Hill Book Company, 1994. P. 278–279.
- Tropp L. R. Perceived discrimination and interracial contact: Predicting interracial closeness among Black and White Americans // *Social Psychology Quarterly*. 2007. Vol. 70. №1. P. 70–81.
- Turner R. N., Crisp R. J., Lambert E. Imagining intergroup contact can improve intergroup attitudes // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2007. Vol. 10. №4. P. 427–441.
- vanLaar C., Levin S., Sidanius J. A Longitudinal Study of the Effects of Cross-Ethnic Friendships, Dates, Roommate Relationships and Participation in Segregated Organizations // *Improving intergroup relations: Building on the legacy of Thomas F. Pettigrew*. 2009. Vol. 7. P. 127.
- Vescio T. K., Sechrist G. B., Paolucci M. P. Perspective taking and prejudice reduction: The mediational role of empathy arousal and situational attributions // *European Journal of Social Psychology*. 2003. Vol. 33. №4. P. 455–472.
- Vezzali L. et al. Imagined intergroup contact facilitates intercultural communication for college students on academic exchange programs // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2015. Vol. 18. №1. P. 66–75.
- Walker I., Pettigrew T. F. Relative deprivation theory: An overview and conceptual critique // *British Journal of Social Psychology*. 1984. Vol. 23. №4. P. 301–310.
- Weber R., Crocker J. Cognitive processes in the revision of stereotypic beliefs // *Journal of personality and social psychology*. 1983. Vol. 45. №5. P. 961.
- Weigert K. M. Intergroup contact and attitudes about third-group: A survey of Black soldiers' perceptions // *International Journal of Group Tensions*. 1976. №6. P. 110–124.
- Wellisch J. B. et al. *An In-Depth Study of Emergency School Aid Act (ESAA) Schools: 1974–1975*. Washington, DC: System Development Corporation, 1976.
- Wilner D. M., Walkley R. P., Cook S. W. *Human relations in interracial housing*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1952.
- Wright S. C. et al. The extended contact effect: Knowledge of cross-group friendships and prejudice // *Journal of Personality and Social psychology*. 1997. Vol. 73. №1. P. 73.
- Wright S. C., Lubensky M. E. *The struggle for social equality: Collective action versus prejudice reduction*. New York: Psychology Press, 2009.
- Young D. R. *American minority peoples: A study in racial and cultural conflicts in the United States*. New York: Harper and Brothers, 1932.
- Агеев В.С. *Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы*. М: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
- Брубейкер Р. *Этничность без групп /Пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2012.*
- Верещагина М. В. *Этническая идентичность и этническая толерантность русских и осетинских студентов: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2010.*
- Ерохина Е.А. *Историческая память этнической общности в динамике социокультурных трансформаций // Вестн. Новосибирск. гос. ун-та. Серия: Философия. 2008. Т. 6. №1. С. 92–97.*
- Лебедева Н.М. *Психологические исследования этнической толерантности*. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003.
- Мурзаканова А.З. *К проблеме соотношения толерантности и личностных черт у студентов многонационального университета // Образование и межнациональные*

- отношения /Под ред. Э.Р. Хакимова. Ижевск: Удмуртский госуд. ун-т, 2013. С. 47–58.
- Нельсон Т. Психология предубеждений. Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения. М: Прайм-Еврознак, 2003. С. 331–336.
- Сергеева С.В. Процессы межличностного контакта в педагогическом общении (функции, индивидуальные особенности, пути формирования): автореф. дисс. канд. психолог. наук. Москва, 1980.
- Смирнова Ю.С. Пути ослабления предубеждений: возможности и ограничения // Философия и социальные науки. 2007. № 4. С. 69–72.
- Хухлаев О.Е. Этнонациональные установки московских старшеклассников в условиях совместного обучения с мигрантами // Психологическая наука и образование. 2009. №1. С. 5–13.